

Русь Чёрная 1

Василий Кленин

Василий Николаевич Кленин

Русь Чёрная – 1. Темноводье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69015397

SelfPub; 2023

Аннотация

Середина XVII века, Дальний Восток, амурские земли. Большие неприятности нависли над атаманом Хабаровым и его казачьим отрядом. А южнее уже собирает силы империя Цин. Скоро всё очень плохо закончится для русских первопроходцев. Или нет? По крайней мере, этим вопросом задался один человек. Которого в этом времени быть не должно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Василий Кленин

Русь Чёрная –

1. Темноводье

Глава 1

Год 162. Приказной человек

Плохо увязанная дверь из тонких березовых стволиков от натуги потянулась, вздыбилась, но не поддалась усилию. В землянке раздалась глухая ругань, после чего от мощного пинка створка с треском распахнулась, криво повиснув на ременных петлях. В свежее сентябрьское небо выпорхнуло почти осязаемое облако спертого, застоялого воздуха. А следом, едва помещаясь в проем саженными плечами, выбрались двое раскрасневшихся стрельцов. Рукава закатаны по локоть – видно служилые употели в тяжелой работе. А «работа» вяло болталась промеж них: стрельцы волокли за собой крепкого красномордого мужика с густой бородой, мокрого то ли от пота, то ли от воды, то ли от крови. Изрядно побитый мужик слабо перебирал ногами, невольно помогая своим палачам, но голова его безвольно болталась под чаячьим изгибом могучих плеч. Правда, надышавшись свежим речным воздухом, он все-таки поднял кудлатую голову, чтобы

посмотреть заплывшими глазами, куда его волокут.

– Хабаров! – ахнули казаки.

Ахнули неискренне. Как будто не знали, что только их атамана и могли выволочь из землянки, которую самовластно занял Зиновьев. Но одно дело: догадки строить. А совсем другое: самолично увидеть своего атамана Ярофея Хабарова. Такого грозного и барского ранее, а ныне – поверженного, битого, пытанного. Кто-то радостно хохотнул, но основная масса ватаги глядела на стрельцов хмуро. Даже те, кто еще недавно сами участвовали в составлении извета.

Служилые и охочие, без сговору, стали собираться мрачной тучею. Напротив, понимая, как оборачивается дело, уже толпились стрельцы, что пришли с московским дворянином. А за их спинами тихо шелестели по прибрежной гальке темные воды реки. Амуру было плевать на кровавое побоище, призрак которого завитал на голом пятаке меж скопища временных шалашей и землянок.

Многие из стрельцов даже не вздели свои кафтаны (чай, почти лето!), так что практически не отличались от местных. Только нового человека на амурской земле и без одёжи видно. По глазам, всему дивящимся, по походке, слишком самоуверенной.

Две «тучи» недобро оглядывали друг друга. Натертые ратным трудом ладони уверенно сжимали рукояти сабель (покуда еще укутанных в ножны) и лежа снаряженных самопалов. Но, несмотря, на игру в переглядки, все понимали: бою

не быть. Амур, конечно, река закудыкина, дальше только море-океян, а вода черна – всё скроет. Но за стрельцами, точнее, за боярином Зиновьевым, стояла воля государева – суровая и неотвратимая. Как пойти против нее, даже здесь, на вольном Амуре? Рано или поздно эта воля найдет любого. Найдет и сотрет в кровавый порошок.

А из землянки – в тяжелой шубе и громоздкой шапке меху бобрового – уже шел Дмитрий Зиновьев. Шел медленно, вбивая своими сапожками сафьяновыми каждый шаг. Чтобы чуяла вся земля, что не просто московский дворянин тут вышагивает – а Рука государева и Слово государево. Коим перечить не смеет никто.

– Люди добрые! Служилые да охочие! Послал меня к вам государь наш, Алексей Михайлович, дабы волю его донести, а ваши беды разрешить. Добр и милостив царь-батюшка, и не оставляет своей заботой никого. И узнал я, дворянин Димитрий Иванович, что приказной человек амурский Ярко сын Павлов все эти годы чинил вам разор и притеснения. Велел я изложить народу свои жалобы и вот что проведаль: Ярофейко Хабаров тот ради выгоды своей людишек закабалял! Из казенного и надуваненного хлеба курил вина и пиво, продавал те вина и пиво людям, вгоняя их в долги. Выдавал заводные косы и серпы за плату. Отымал пушнину, пуская ее в обвод. Превратил храброе воинство государево в кабальников и холопей своих!

Зиновьев обвел казаков пронзительным взглядом: вот как

о вас беспокоюсь, голытьба! И голытьба ответила, всею душой. Мало кто из служилых, да и вольных охочих людишек не задолжал Хабарову: кто полтину, а кто – и саму душу, кою не измерить ни рублями, ни рухлядью соболиной.

– Токмо эти вины еще не вины, – добавил дворянин, дождавшись восстановления тишины. – Донесли вы мне в челобитной вашей, что Ярко Хабаров порушил волю государеву! Прибыв на землю амурскую, чинил местным народам смерть и разорение, обозляя инородцев не только противу себя, но и противу государства Московского! Приказной Хабаров за три года так и не обустроил ни одного острога, не завел на Амуре-реке ни одной пашни! Городки даур, дючер, ачан пожёг, князьцов и народец озлобил! Творил насилие, дуванил туземцев без счету, рухлядь уводил в обвод...

– Неправда то! – заревел вдруг Хабаров медведем. Неведомая сила спружинила в нем, заставила разогнуться, что подручные стрельцы засвистели от натуги. – Никакой порухи государю я никогда не причинял! Самолично, с людьми своими привел дауров, ачанов, дючеров да гиляков к шерти, а богатую землю амурскую – под руку царю-батюшке! Ясак собирал исправно, дюже богатый – и всё отсылал в Якутск воеводе! Господом-богом клянусь: каждый день радел я только о пользе государевой...

Стрельцы-палачи всё это время пытались скрутить атамана обратно в бараний рог. Да не выходило – столько ярости, столько веры в свои слова было в Ярофеее сыне Павловом.

Голос его грохотал над берегом Амура, а казаки да служилые невольно вспоминали крутой норов своего предводителя. Кто-то – с восторгом, кто-то – со злобой и ужасом. Наконец, засадив мосластый кулак в пузо казаку, один из стрельцов выбил из него воздух и заставил снова склониться.

– А посему я, властью данной мне государем Алексеем Михайловичем, – продолжил Зиновьев, стараясь говорить так, будто никто его не перебивал. – Властью данной мне... повелеваю! Ярофейку Хабарова, обвиненного во многих винах, взять живом и свезти на Москву. Там-то и будет установлено доподлинно, где правда, а где – кривда!

Здесь дворянин все-таки зло покосился на Хабарова, которого до этого старательно не замечал.

– Мать Божья... – негромко раздался в толпе казаков тихий отчаянный возглас.

Раздался и тут же испуганно затих. Но болтанувший лишнее пушкарский старшина по прозванию Кузнец все-таки перекрестился.

«Что же он творит, – с тоской подумал Онуфрий сын Степаново московском госте, глядя на окончательно поникшего Хабарова. – Приехал, ни в чем не разобрался... Всех подмял, всех попользовал... А как же мы тут дальше? Без Ярко-то...».

Похожие мысли, кажется, посетили практически весь амурский отряд, все три сотни с гаком. Как-то разом заозирались казаки, принялись по-новому смотреть на черные во-

ды амурские, на стену лесов непролазных по обоим берегам реки.

«Это что же? Мы теперь тут одни останемся? Без Хабарова?» – читалось в каждом взгляде. Последние насмешки над жадным атаманом стихли, усохли, как трава на солнце, ударом косы срезанная.

– Покуда же идет разбирательство, – продолжил Зиновьев. – Назначаю старшим над вами Онофрейку сына Степанова! Где он? Ну-ка покажись!

Дворянин был крайне доволен собой, ибо совершенно неверно понял мертвую тишину, которая окутала амурскую ватагу. Государев посланник уверился, что покори́л их, наконец, воле своей. И сейчас, приспустив веки, добродушно ждал, покуда оглушенная новостями толпа медленно выпихивала, выдавливала из своего чрева побледневшего Кузнецца. Наконец, пушкарский старшина вывалился на голый пятак, смял в руке старый колпак и на негнущихся ногах пошел к Зиновьеву.

– Ну, Онушка! – улыбнулся дворянин. – Теперя ты – приказной человек на Амуре! Старший над всеми вашими амурскими людишками.

– Благодарю тебя за щедрость твою, Димитрий Иванович! – Онуфрий переломился в поясе земным поклоном и подмел колпаком сырой песок с редкими пучками еще зеленой травы.

«За что, Господи!» – кричал он в тот же миг в голове сво-

ей, проклиная и оказанную ему честь, и весь этот день.

Глава 2

Год 162. Приказной человек

А ведь как хорошо начиналось... Воистину, конец прошлого года мнился счастливым, а вот начало нового словно скинуло его живьем в геенну огненную. Кончалось лето, и дощаники Хабарова под веслами бодро шли вверх по Амуру-реке. Позади осталась свара, летний объезд objaсаченных инородцев. Ватага шла наверх в поисках нового места для зимовья. Еще хлебного, еще неизъеденного, где можно прокормить до весны три сотни рыл. И в аккурат при устье Зеи-реки повстречались им корабли Зиновьева. А при Зиновьеве том 150 стрельцов Сибирского приказа, да прочих служилых без счета.

И ведь славная была встреча! Высадились на топком малолесном клине, где не селились ни дауры, ни дючеры. Дворянин пояснил, что послан к ним из самой Москвы по воле великого государя. Поблагодарил всех за службу, за дивные и богатые земли, что Хабаров с казаками примучил к российской державе. Наградил даже! Ярофея золотой монетой, служилым дал по новгородке, а охочим – по московке. Даже даурам дары приготовил – сукно полуаглицкое. Знал же, в чем у местных главная нужда. Порадовал, что Москва свои новые земли заботой не оставила. Что готовится на святой Руси рать несметная – тысяч в пять, а то и поболее. И

отправится эта рать на Амур-реку, чтобы прогнать нечестивых монголов и богдойцев. И что надобно эту рать встретить, обустроить и прокормить. Впрочем, уже тогда Зиновьев изволил чуток погневаться, ибо видел, что на Амуре ничего не готово. Но то была лишь зарница – гроза пришла позднее.

Прорвался до дворянина Стенька Поляков. Паскуда. Ужо наговорил ему бунтовщик... А после со всеми своими написал на Хабарова челобитную. Онуфрий ее видал мельком – целая стопка листов. Почитай, не один день извет составляли.

«И где бумаги-то столько нашли? – изумлялся Кузнец и сам себе ответил. – Так, Зиновьев и одарил... Уж ему те листочки с лихвой окупятся...».

Ознакомившись с челобитной, в которой отметились 130 с лишком имен, посланник государев озверел. Стрельцы тут же повязали Хабарова и племянника евонного Артюшку. Все дощаники обыскали, всю казну вытряхнули. А теперь вот и вовсе Ярко в железа заковывают и собираются на Москву везти. А это при лучшем раскладе – на годы! Но вернее всего – навсегда.

Горестно думать, но, хоть, Поляков и паскуда знатная, а почти всё в челобитной грамоте – правда. Недаром слова Стенькины десятки добрых казаков и служилых подтвердили. Только вот нет в том извете самой главной правды. Той правды, что он, Кузнец, давно уже понял. Всё, что тут, на великом Амуре, русские смогли завоевать, все победы над ту-

земцами и богдойскими людишками – это только лишь благодаря Хабарову. Благодаря его сметливому уму, крутому норову, силе бурнокипящей, что завсегда просыпалась в нем в тяжкие времена. И без Хабарова ничего нового они уже не примучат. А собранное – растеряют. Особоливо, теперь, когда все языки поднялись против русских.

Онуфрий, сын Степанов Кузнец, наконец, выпрямился. Как много, оказывается, можно подумать, пока гнешь спину перед барином. Зиновьев улыбался обожравшимся котом, довольный его покорством.

– В вечеру, до заката зайди в мою избу. Многое тебе поведать надобно, – и дворянин повернулся ко всё еще безмолвной толпе. – Расходитесь! На сегодня – всё!

Хабаровская толпа заворочалась нехотя и начала рассыпаться на крохи, словно, кумир из подсохшего песка. Следом за ней начали расходиться и приказные стрельцы.

Обошлось.

Кузнец стоял посреди этого вялого бурления, как воткнутый кол в центре омута. Никому не нужный... самый главный человек на Амуре. Приказной. Всё еще вялые ноги потащили его к реке – ополоснуть помертвевшее лицо. Серая галька заскрежетала под плохонькими даурскими сапогами. Ноги быстро напитались сыростью.

– Ничо, у костра обсушусь, – Онуфрий присел, зачерпнул в ладони чутка папахивающую воду и плюхнул в лицо. – Теплая...

Дивное дело, уже новый год начался, осень на дворе, а река еще не холодна. Разве сравнишь с Якутском, где, почитай, лета и нету вовсе? Онуфрий разогнул ноющие колени и всмотрелся в сумрачную безветренную гладь реки.

— От же темна ты, амурская водица, — вздохнул он. — И Зея, не в пример, светла, и Шунгал-река... Да, после Шунгала и сам Амур уже мутно-белесый... Но не тут. Тут ты, будто, камень жидкий. Буро-черный. Непроглядный.

Знакомые места. Слишком хорошо знакомые. Сейчас просто народишку побольше, да весь берег дощаниками утыкан. В прошлом разе поменьше было. Чуть более года назад они здесь стояли — как раз на этой безлюдной заболоченной стрелке Амура и Зеи. Тут бунт поляковцев и учинился.

— Проклятое место, — сплюнул на воду Кузнец, развернулся и широко зашагал к лагерю. К тому, где ютились хабаровцы.

Уже на полдороге к своему шаткому балагану, состоящему из одного навеса без стен, Онуфрий вдруг замер. Он же теперь приказной! Значит, и землянка Хабарова теперь его! Сухая, с печуркой без дымохода, которая может согреть ночью. Хмыкнул сам над собой, заново сплюнул и повернул к атаманскому жилью. Идучи по тропинке, петлявшей среди гроздей тальника, увидел вдруг группу охочих, что жадно тянулись к костерку, который мало защищал их от речной сыри. И как назло, он прекрасно знал каждого: Улыбка, Огапка сын Трофимов, Шипуня, Рыта Мезенец, Клим Корела, Лука

Гнутой, Панафейка Кыргыз. Все поляковские... вернее, они из братков Костьки Москвитина – ближнего подельника Полякова.

Хотел было пройти мимо, как и собирался, но такой яркий огонь в груди разгорелся, что мокрые сапоги сами повернули к костерку.

– Ну, ссученышы! Понаписали свои изветы? – зло рыкнул он на привставшую ватагу.

Поляковцы смотрели на него исподлобья. Обе стороны понимали: говорить нечего. Понимали, да видать не до конца.

– А что нам было делать, Кузнец? – отчаянно выкрикнул жидкобородый Огапка. – Он же всех нас закабалил, ирод! До портов последних раздел! Весь дуван второй год забирает! Уже и порох со свинцом ссужает!

– На твоём месте, борода козлиная, я бы вино ведрами не пил. Глядишь, и не имал бы долгов, – процедил пушкарь.

– Легко тебе говорить, дядька, – гаденько возразил кто-то из толпы (они все отвечали только из-за спин первого ряда). – Ты-то один из немногих, кого Ярко в долги не вогнал. Ближник – одно слово.

Лицо Кузнеца полыхнуло. Захотелось чесануть кулаком по морде наглой, да не дотянуться. В своих у Хабарова Онуфрий никогда не ходил. И вообще, на Амур-реку попал только в 158 годе, с подкреплением, что пришло к ватаге Ярофея из Якутска. Но, правда в том, что атаман его щадил.

Ценил пушкарские и ковальские таланты, так что кабалить и не пытался. Даже подарки порой дарил. Кузнец воспринимал то, как должное. А теперь его вишь – ближником хабаровским величают.

– Правду, ведь писали, Кузнец! – ударил кулаком в грудь Рыта Мезенец. – Всю, как есть! За нее мы и супротив Хабарова пошли. И челобитную про то писали – чтоб по правде было. Ты вспомни Банбулаев городок! Вспомни, какие так вокруг хлеба стояли – зрелые, налитые! И ячмень тебе, и овес, и греча... А он, чертов кум, нам косы в долг давал! Косы в казне, а он нам без платы работать не позволял... Такая уж там земля была: черна да жирна... А он те поля обиходить не дал...

Рыта снова ушел в свои крестьянские мечты о ковырянии в земле, даже свои отмахивались.

– Ну, и кому она нужна правда-то ваша? – оборвал казака-мужика Онуфрий. – Что вы с этой правдой, да без Хабарова делать будете? Кто вас теперь поведет, кто путь укажет, что от врага убережет?

– А то уже твоя головная боль, приказной! – гадливо захихикал кто-то из-за чужих спин.

– Ах, моя?! – Кузнец уже жаждал драки. – Ну, поглядим, чья она, когда вы кору осиновою жрать, аки бобры начнете!

– Угрожаешь, Кузнец? – насупились поляковцы и подступили к новому атаману.

Глава 3

Год 162. Приказной человек

– Вот же дурни, – устало закатил глаза Онуфрий, вдруг утратив вкус к драке. – Какие же вы дурни. Да неужто не ведаете, что Хабаров всё для походу у Францбекова в долг брал? И самопалы с пушками, и косы ваши дурацкие с порохом. Всё в долг! На себя! И ему отдавать то надобно. Он же нам всем купил – вот ЭТО!

Он обвел руками всё вокруг: гнилой подлесок, тальник прибрежный, да смурные амурские воды... Вышло как-то малопривлекательно.

– Жизнь новую в земле новой и богатой! Как ты, Рыта, говоришь? Черной да жирной! Всё нам! Надо только всех местных к шерти подвести, ясак исправно собирать, да богдойцев усмирить. А потом – гуляй, рванина! Но только он... Слышите, остолопы? Только Хабаров знал и понимал, как это всё повернуть! Понимаете? – в сердцах Кузнец махнул рукой и пошел дальше. Никто из поляковцев ничего ему в спину не крикнул.

У приказной землянки стоял обжитой бивак, где валялся пяток мужиков. Все они, так или иначе, состояли при бывшем атамане. Высмотрев самого знакомого, Кузнец крикнул негромко:

– Сашко, сбить есть?

Слегка придремавший Дурной резко вскочил на ноги.

– Да, Куз... Атаман?

– Зови, как звал, – отмахнулся приказной. – Согрей, да неси в избу. Горло дерет от всего этого...

В землянке было темно и душно. Онуфрий не стал при-
творять криво-косую дверцу. Огляделся. Внутри стоял пол-
ный разор: стрелы перевернули всё, на что раньше нала-
гал лапы свои Хабаров. Загребущие лапы, тут поляковцы не
лукавили. Но где иначе? В Якутске всё под себя греб Фран-
цебеков, что просыпалось меж его жирных пальцев, дьяки
подбирали. А на Амуре Хабаров греб в шесть рук.

Как везде...

Пожав плечами, Кузнец перевернул в богом данное поло-
жение опрокинутый стол, сколоченный из неотесанных по-
лубревнышек. Только уселся на чурбак, а толмач Дурной уже
согнулся и лез в проход с дымящимся котелком.

– Вот, ягод свежих подбросил, – смущенно пояснил он и
добавил. – Полезно...

Кузнец давно хотел забрать болтуна к себе. Сашко Дур-
ной весьма наловчился стрелять, что из самопала, что из пи-
щали, что из пушечки. Хороший вышел бы пушкарь. Только
Хабаров всё время держал его неподалеку. Как раз за язык
его болтливый. Вернее, уменья его толмаческие. Все дела с
ачанами да натками через Дурнова вели.

Кузнец налил горячего сбитня в деревянную чарку.

– Саблей-то рубишь? – укоризненно спросил он. Насколь-

ко Дурной хорошо стрелял, настолько плохо же владел копьем и саблей. Видно, батька его, купчишка рисковый, сына сызмальства к делу не приучил. А теперь ратное дело у парня никак не шло.

– Рублю, – буркнул толмач, враз утративший всю свою словоохотливость.

– Оно и видно: повдоль костра развалился и сопел в три дырки! – хмыкнул Кузнец. – Бери саблю и ступай к реке: ставь руку на тальнике да на воде.

– Вода ж холодная! – возмутился Дурной.

– Поговори мне тут! – рыкнул Онуфрий; былой огонь в груди снова закипел. – Позор рода казачьего!.. А ну, метнулся зайцем!

Дурнова, как ветром сдуло. Подражая ветру, Кузнец подул в чарку. Пригубил сбитня. Вкус был с непривычной кислинкой, но пилося приятно. Теперь-то можно в тишине и покое думку подумать...

– Приказной здесья? – светлое пятно дверного проема загородили почти черные фигуры стрельцов. Онуфрий невольно положил руку на саблю. Стрельцы стояли в своих серых кафтанах, застегнутых на все пуговицы, с пищалями и саблями. Разве что берендейками не обвешались.

– Дмитрий Иванович звал тебя к закату, – пояснил воин постарше. – Пора уже.

Когда Кузнец выбрался наружу, тот добавил:

– Государев посланник велел тебя привести и еще како-

го-то Треньку Чечигина.

– Третьяка? Так он на дощаниках.

Пока нашли Чечигина, пока обернулись до зиновьевской землянки, закат уже давно отгорел. Но дворянин на опоздание не озлился.

– Садитесь, – указал он служилым на свободные места рядом с еще одним неоструганным столом. – Вот что Онуфрий сын Степанов: видел я, что не очень ты обрадовался назначению...

– Господин... – вскинулся в притворном протесте Кузнец, но его остановили нетерпеливым жестом.

– Мне-то не бреши, – скривился Зиновьев. – Вижу я вашего брата насквозь. Но пойми: не мог я никого из ближников Хабарова на его место поставить. Шило на мыло. А про тебя толкуют, что ты – себе на уме. И Степан Поляков за тебя поручился.

«Тьфу! Ммать его... – еле удержался Онуфрий. – Дожил. Паскудина за меня поручается...».

А еще подумал, что не так уж и наобум дворянин действует. Много разузнал, долго готовился ко дню сегодняшнему. Значит, хана Ярофейке...

– Себе-то себе, – выдал он вслух. – Да у меня по пушкарской части дел невпроворот...

– Чай, вспомощнички найдутся, Онушка, – улыбнулся дворянин. – Да ты не кручинься! Долг твой приказной ненадолго. Я, как с вашей дыры в места людные выберусь, сразу

на Москву гонца пошлю. С грамотой, где всё обскажу про ваши дела. Как Ярко тут всё попортил, но и как вы без яго всё выправляете... Смекаешь? А на Руси, чай, уже и войско готово – тут его на Амур и пошлют. Так что до следующих льдов будут на Амуре такие воеводы, что тебе о грузе власти беспокоиться уже непотребно будет.

Царев посланник довольно рассмеялся. А потом враз посерьезнел.

– Но до той поры попотеть придется, пушкарь. Войско то встретить надобно. Да не так, как вы меня приветили. Вот тебе две памяти, – Зиновьев протянул Кузнецу две тонкие стопки пожухлой бумаги. – Тута я подробно обсказал про всё, что тебе потребно. Главное же: на верховьях амурских, в устье Урки велю тебе завести пашню. Чтобы через год уже свой урожай был. Если ниже заведешь – говорят, тут земляца получше – то тоже годно. Кроме того, ставьте остроги постоянные, обжитые. Тако же в верховьях – в Лавкаевом или Албазином городке. И тута! – Дмитрий Иванович для убедительности ткнул длинным пальцем в стол.

– Худое тут место, – скривился Онуфрий. – Песок до болотина.

– Глянь на том берегу. Но чтобы острог подле устья Зеи стоял! Место больно важное. Вот... Поставишь остроги и собирай ясак исправно. Объясачивай новые племена, приводи их к шерти...

– Маловато людей на про всё это, господин мой, – развел

руками свежее испеченый приказной.

– А помогу тебе в той беде, – хитро прищурился Зиновьев. – Со мною, кроме стрельцов, 180 служилых. Оставляю их у тебя годовщиками – до 163 года они при тебе служить станут. Ну как? Выручил? Столько рук умелых, столько сабель вострых да пищалей снаряженных!

– Выручил, Дмитрий Иванович, – поклонился Кузнец, встав.

– Плохо ты кланяешься, Онушка, – нахмурился московский гость. – Вроде и низко, а будто кость обсосанную с миски кидаешь... Ладнова, мне твоих костей недолго есть. Второе! И дело это тоже Ярофейке поручено было, а он, подлец, не сполнил! Тренька, ты ведь должен был идти в земли богдойцев послом и убедить их хана замирииться и давать ясаку государю.

Чечигин, который было расслабился от долгого чужого разговора, резко вскочил и принялся мять шапку руками.

– Так, господине...

– А почто не ходил? – Третьяк опустил глаза и молчал.

– Да как же идти, Дмитрий Иванович! – влез Кузнец. – С прошлой зимы они на нас войною ходят. И воев у богдойского хана, говорят, тыщи. Ентими тыщами Шамшакан ихней уже Никанскую землю почти под руку взял. А та Никанская земля – это сорок городов, а людей тамо тьма. Ну, как таких объяснить?

– Ну, хорошо. Почему посол тут на дощаниках валяется,

а не к хану на поклон идет?

– Война ж, – поник Онуфрий. – До богдойцев по Шунгал-реке дойти можно, но тамо дючеры живут. Они богдойцев родичи. В лицо нам низко кланяются, а спину покажешь – стрелу враз засадят. Не пройдет тамо посольство. Только с войском...

– Вот войну с богдойцами прекратить и надо! – стукнул дворянин кулаком по столу. – Передать их хану, что русский царь-батюшка могуч, что держава его велика. Что желает он мира и торговли. Ясно?!

– Ясно, – спокойно ответил Чечигин. Он, кажись, уже принял судьбу.

– Тогда соберешь воев надежных пяток – и двинешь на Шунгал-реку. Грамоты нужные и дары хану я тебе дам.

Зиновьев повернулся к своим писчикам, отдавая распоряжения.

– Тренька, возьмишь с собой Протаса, – жарко зашептал Чечигину Кузнец. – Он лучшей всех тропы тайные находит... Только с чертьми теми не рискуй – жарко станет, сразу на Амур возвращайтесь...

Третьяк ответить не успел – Зиновьев уже уставился на шептунов из-под нахмуренных бровей.

– Что еще?

– Не гневись, Дмитрий Иванович... Но дозволю узнать: а что с Хабаровым?

Глава 4

Год 162. Приказной человек

– Об тате этом печешься?! – Зиновьев тут же разозлился пуще прежнего. – На Москву свезу вора-Ярофейку! Там его дьяки мудрые судить будут. Со мной поедут Поляков с Москвитиним, чтобы живым словом челобитную подтвердить. А еще толмачей и аманатов заберу... Кстати, начеркай мне имена их, дабы не забыть.

– Всех? – тихо уточнил приказной.

– Всех-всех... И мужиков, и баб! Ведаю я, – дворянин на миг по-волчьи оскалился. – Местные тоже на Москве дознавателям свое расскажут. А что люди не расскажут, то бумаги поведают. Мои писчики уже заглянули в ясачную книгу – ой, много тамо интересного! Так что и книгу возьму, и прочие записки Ярофейкины. Всё, что он при себе в торбах да мешках держал, на вас наживаясь. Ну, и рухлядь ясачную уж захвачу: коли я уже тут и на Москву еду. Собрали-то ясак?

– В низовьях только, – отрешенно ответил Кузнец. – До верхнего Амура в сём годе еще не добирались.

Зиновьев забирал всё. Выгребал подчистую, благо, повод был отличный: Ярофейку-вора изобличил. Значит, хватай всё, что плохо лежит! А что из того до Москвы доедет – одному Богу известно.

«Вотт радости у поляковцев, – не без злорадства подумал

Онуфрий. – Наказали лихоимца Хабарова. Ну, теперя нате – получите благодетеля из Москвы...».

– Онофрейка! – Зиновьев возвысил голос; видать, Кузнец так ушел в думы свои тяжкие, что не услышал дворянина. – Ступай, говорю! С памятьями ознакомься с усидчивостью. Да то, что велел – утром сполни!

Поклонившись в пояс (пусть гад еще одной костью подавится!) Кузнец махнул головой Чечигину и вышел на свет Божий. Света, правда, не было: небеса наливались чернотой. Реку уже только слышно было. Лишь пятна десятков костров манили к себе мошек и людей.

Туда и пошел.

Странно дело: от дневного противостояния местных и пришлых и следа не осталось. У первого же костра Кузнец заметил серые да синие единообразные кафтаны стрельцов, а супротив – знакомые ряхи казаков Васьки Панфилова.

– Ты на барина-то зря не наговаривай! – со страстью в голосе вещал долговязый воин Сибирского приказа с курчавой рыжей бородой. – Он ведь с Москвы сюда ехал Хабарова награждать! Былой воевода якутский-то в приказ такого напел, что вы тут все радетели дела государева! Как не похвалить. А, когда на Лену прибыли – там уже новый воевода. И ентот Ладыженский Дмитрию Ивановичу уже совсем другие песни поет. Что немчин поганый Францебеков в Якутске всё развора, и что Хабаров – евоный поделельник. А на Амуре он не дела вершит, а мошну набивает. Которую они с Францебеко-

вым в обвод уводят. Пришли мы, значит, на Урку, опосля, на Амур – и что видим? Пустынь! Албазин городок заброшен, прочие пожжены. Даурцы ваши при виде дощаников в леса бегут. Полей нет. Вот скажи мне: отчего у вас тут так?

– Емеля, вот ты чудной! – усмехнулся амурец-сосед (Онуфрий догадался, что эти бойцы раньше где-то служили вместе, может, в Енисейске или вообще за Урал-Камнем). – Тебе ли не знать! Мы же – вои! Люди ратные. Во! А сюда пришли – и обомлели. Тут Емеля, как нигде на всей Сибири! Дауры, дючеры – народы сильные, гордые! Городки ставят, у князей дружины конные, да с сабельками, с копьями острыми! И никто ясак запросто так платить не желает. Пока Ярко в Якутск с докладом ездил, Рашмак малыми силами на Лавкаев улус позарился – что ты! Еле ноги унес. А вот Хабаров с новыми людьми пришел – и мы как пошли походом по реке! Емеля, мы словно войско ангельское шли – неостановимое! Каждый городок берем! С приступом, с огненным боем. А они нас стрелами жалят, конные наскоки вершат! Лавкаев городок, Албазин, Атуев, Дасаулов, Чурончин... А что в Гуйгударовом было! Только представь: три града, три стены земляные да бревенчатые. А за стенами: дауров сотни многие. Казалось, не сдюжим, но Господь всё сладил – взошли на первую стену. И на вторую, и на третью! Пушки помогают зело. Пушки-то местным неведомы. Побежали даурцы...

Страстно рассказывал казак. Замерший в тени кустов Куз-

нец сам вспомнил те славные дни побед. Снова перед глазами встал город, дымом окутанный; злые лица дауров, не желающих идти под государеву руку. И Хабаров, как скала, стоящий посреди этого ада. Атаман, зычно орущий: «Вперед!», и ватага пошла на приступ! На врага, превышающего их в разы и разы...

– Ну, а потом чо? – не унимался стрелец Емеля, ратующий за правоту своего начальника; даже историю славную дослушивать не желал.

– А потом богдойцы пришли... – тихо сказал амурец. – Мы тогда как раз в землице ачанской зимовали. А богдойцы, брат, это уже совсем другой разговор. Все вои в бронях, на конях, да знамена полковые у их. Ровно бояре наши или мурзы татарские. И много их... Говорят, хану богдойскому и монголы подчиняются, и никанцы... Они еще и врасплох нас застали. Но Господь и тут смилостивился! Одолели мы их!

– А потом?

– Запотомкал ты, Емелька, по самое горло! – сплюнул казак. – Потом Поляков-иуда бунт учинил! И пришлось Ярку по всему Амуру за ним гоняться да усмирять. Одна война на Амуре... Только зазеваешься – стрелу словишь или на саблю напорешься...

«Верно бает, – вздохнул Кузнец. – Нету мира на Темноводной речке. Мало того, что местные за свои отчины злобуются. Мало того, что с югов богдойцы нахаживают. Так еще и сами с собой до смерти бьемся».

По счастью, тогда боя настоящего не было. Хотя, Хабаров так зол был, что велел пальбу начать по городку беглецов. Из ружей, да из пушек. Кого-то потом забили палками до смерти, прямо на глазах бунтарщиков. Тут-то поляковцы струхнули. Началось торжище по сдаче. Иуды вымолили себе прощение и безопасность, Но Хабаров все-таки главных «воров» – Полякова, Иванова, да Шипунова с Федькой Петровым – в железа заковал...

«А теперя сам в них сидит... – вздохнул Кузнец. – Вот и гадай, куда сраку опустить, чтобы на ежа не сесть».

Расхотелось ему дальше мужиков слушать. Тихонько, спиной вперед вернулся на тропку и побрел к уже своей землянке. Заплутал слегка. Леший снова колобродить начал, даже здесь, где и леса толком нет. Но стоит солнышку закатиться, как знакомые места враз становятся неведомыми. Ровно в чужие края тебя сила враз закинула. И деревья иными кажутся, и прочие приметы. Это явно нечисть морок наводит. Тута ноги надежнее глаз становятся, лучше им довериться. Правда, здесь, в устье Зеи, отряд Хабарова стоял лишь вторую седмицу – ноги не привыкли еще.

Когда добрался до своего нового жилья, обнаружил, что бивак перед землянкой пустует. А поодаль, в зарослях черемухи раздавались глухие удары и сдавленная ругань. Судя по диковинным, но явно срамным словам – били Дурнова. Не уживался купчѣныш с казаками, особенно, с молодыми, у которых кровь кипит. Да что греха таить: часто толмач вел

себя так, что прям просился по уху получить.

«Влезть, что ль? Разнять охламонов? – задумался Кузнец. – Или просто кликнуть, чтобы жратвы какой поискал? Глядишь, буйняки и отстанут».

Раньше только то и спасало Дурнова, что был он при атамане толмачом. Это, когда убедил, что по-гиляцки лучшее Козьмы балакает. Всегда на виду. Уцепить трудно. Но, надо признать, что в груди Сашки тоже дурной крови хватало, так что за атаманским тулупом не таился. А то и сам драки искал.

«Ну, и нехай сам разбирается, – отмахнулся Онуфрий. – Некогда мне нянькаться. Надо отдохнуть перед завтревом. Дел-то куча».

Он решительно пролез в низкую дверь. Только вот отдохнуть новому приказному не довелось. Так как в землянке его поджидали.

Глава 5

Год 162. Приказной человек

– Поздорову... атаман, – голос был очень хорошо знаком Кузнецу.

– Отчего ж «атаман»? Меня на круге не выкликали...

– А куды ж деваться – коли тебя приказным сам московский дворянин поставил. Ты теперь и царев слуга и воинам атаман...

Онуфрий приморгался к темени и уже мог рассмотреть «гостей». Все ближники Ярковы – писщик Ивашка Посохов, есаул Васька сын Панфилов, Тит Осташковец и...

– Артюха! Ты как тут? – изумился Кузнец. Племянника Хабарова – Артюшку Петриловского – повязали вместе с опальным дядей. А он у Ярофея всей мягкой рухлядью ведал: и казенной, ясаком собранной, и скрытной – что прежний атаман копил помаленьку, обирая кабальных казачков.

– Отпустили, – сипло ответил племяш атаманов. – Как людям про Ярко объявили, так и выпустили. Но ни списков, ни книг не возвернули...

– Онофрейко, ты на нас волком не гляди, – Васька похозяйски уселся за стол. – Мы не со злым умыслом пришли. Понимаем, что не ты сего почета просил. Вышло так. Просто теперь понять хочется: как дальше-то жить будем?

– Маловато у меня для вас ответов, братья-казаки, – раз-

вел руками сын Степанов.

– Ну, ты с Зиновьевым разговор имел? – низкий Посохов в самые глаза Кузнецу норовил залезть.

– Имел... Ну, ежели по московской воле – то жить мы будем так: надобно до прихода войска царского остроги по Амуру поставить. Один – прямо тут. Пашни завести, ясак собирать, богдойцев замирать, местных шертовать.

– И всё мы? – усмехнулся Панфилов. – А богдыхана им пленить не потребно? Ладно, не об том разговор: как войску дальше жить? Счас стрельцы уплывут – и мы один на один с поляковцами останемся. А они нынче в силе; вишь, Москва теперя им верит.

– Ну, утешься, – хмыкнул Кузнец. – Зиновьев вместе с Хабаровым и Стеньку Полякова забирает. И подельника его, Костьку. Так что иуды без головы остаются. Да и не одни мы будем: дворянин нам почти две сотни годовщиков служилых оставляет.

– Эвон как... – протянул басом Тит. – Третья сила. И за кого она будет?

– Скоро узнаем, – невесело ответил Васька.

– Скажи-ка, Кузнец... А что еще забирает Зиновьев? – неуверенно спросил Петриловский.

– Ой, годно спросил, Артюха! – приказной аж разулыбался дурной улыбкой. – В самую сердцевину заглянул. Всё забирает. Все меха забирает: и ясак, что мы приготовили, и то, что у Яркого в закромах полеживало!

– Сука... – непонятно в чью сторону выдохнул Петриловский.

– Не ной, Артюха! – хлопнул его по плечу Тит. – У вас с дядькой по всему Амуру, небось, схроны поныканы! Чай, не обеднеешь!

– А я еще не всё сказал, – остановил мрачное веселье в избе Кузнец. – Все книги счетные да ясачные наш барин тоже забирает.

– Да как же? – ахнул писщик Ивашка. – И как мы теперь по людям за рухлядью пойдем? Городков и улусов – без счету. Кто помнит, сколько они должны?...

– Помнишь, Артюшка? – поинтересовался Васька Панфилов.

– Что-то помню, что-то нет, – мрачно ответил былой хозяин казны. – На то и книги, чтобы в голове цифирь не держать.

– А ежели мы в новый год меньше прежнего соберем, – ужаснулся Ивашка Посохов. – Что тогда воевода скажет...

– Просто ободрать местных хорошенько! – заявил Тит. – Небось, хватит.

– То ты их раньше не обдирал, – съязвил Кузнец. – Только скока хвостов из того в твоей суме оставалось? А? Ныне также себе откинешь – а ясаку не хватит! Обдирай не обдирай, а жадность меры не знает. Особливо, без ясачной книги...

– Что еще у тебя в рукаве? – оборвал отповедь приказной

Васька.

– И еще имею. Всех аманатов, всех толмачей из местных – тоже на Москву забирают.

Тишина повисла в землянке.

– Он что, нарочно? – тихо пробормотал есаул. – Закопать нас в этой земле амурской хочет? Или не ведает, как мы с даурами да дючерами рубимся? Что будет, когда те поймут, что их аманатов за край света увезли?

– ...Потечёт по Амуру-батюшке ворожья да наша кроушка, – напевно протянул Тит-здоровяк.

– Ой, не каркай ты! – рявкнул Васька.

Все невесело переглядывались. Каждый ясно понимал, что, как только Зиновьев отчалит, как только призрак властной Москвы скроется за поворотом, беда накроет всех темным покрывалом. Войско на пороге кровавой резни, а вокруг злобные враги, которых держит лишь страх. Страх, который смог посеять Ярко Хабаров. Человек-скала.

Нету боле этого человека.

– Экая поза неудобная, – скривился Артемий Петриловский. – То ли даурская стрела под лопатку залетит, то ли царская дыба руки из плеч выдерет.

– Надо грамоту написать! – оживился Посохов. – В Якутск воеводе. Расписать в ней всё-всё обстоятельно: как Зиновьев всё забрал. Как лишил нас всего, чтобы радеть о воле государевой... Вот уйдут стрельцы – и сразу послать людишек на Лену с жалобами...

– Ты уже советовал! – фыркнул Тит и стал пиццать, передразнивая Ивашку. – Напиши первым, Ярофей Павлович, всё обстоятельно про бунтовщиков напиши, все вины на них повесь... Ну и где толк от той писульки? Поляковцы год спустя свой извет накарябали – и Ярко в железах сидит.

– Так то не наша вина, – надулся Ивашка Посохов. – Мы же с Ярофеем... Павловичем еще Францебекову писали, а в Якутске уже Ладыженский сел. Ясно, что он Зиновьеву ту грамотку и не показал даже. А покажи – так другой разговор был бы.

– Бы да бы, – отмахнулся Васька. – Что гадать о несбыточном. Обвалился Францебеков и Ярофейку за собой потянул. Тут что с Зиновьевым, что без оногo... Ну, может, на Москву бы Хабаровова не повезли. Всё решено уж было...

– Ты напиши, Ивашка, – неожиданно подал голос Кузнец. – Напиши обстоятельно, а завтрава мне покажешь. Я поправлю, что не так.

Все удивились тому, что Онуфрий поддержал вдруг писщика. Да и сам тот понимал, что от грамоты толку не будет. Но ему не нравилось, как хабаровцы строят планы в приказной избе, а самого приказного ни в зуб не ценят. Будто никто он тут. Пустое место.

«Не пойдет так, братцы» – нахмурился Кузнец и решил тут же поддержать слабого, чтобы усилить разлад среди подельников. А Посохов явно слабейший. За есаулом Васькой, за Титом Осташковцем – люди. У Артюхи Петриловского

иная сила – мощна и связи торговые. Они все, конечно, нужны Онуфрию. А надобно, чтобы он им был нужен.

– Значит, слушайте меня, господа-казаки. Коль уж я приказной, то и приказы идут от меня. Грамоту в Якутск pošлем. Ясачить людишек местных будем полной чашей, но никто – слышите! – никто на сей раз по своим торбам ничего таить не будет! Лучше излишку дадим, чем недоимку сыщут. А коли не согласны – завтра же к Зиновьеву пойду и подскажу, у кого обводную рухлядь стрельцы могут поискать. Ну?

Хабаровцы набыченно молчали. Первым, как ни странно, кивнул Петриловский.

– Ну, коли уж здесь встали – то и острог начнем строить. Сильно не тужась. До холодов поставим несколько тарас, да хрящем засыпем. Место дурное – зато и в Якутск, и в Москву отпишем – сполняем, мол. А с холодами на низ снова пойдем. Там для зимования места поспокойнее, народишко – помирнее. Заодно по дороге дючеров пощиплем, пусть урожаем поделятся.

Как ни странно, а ярковы ближники приободрились. Встали, натянули шапки и потянулись к выходу. Кузнец ажно проводил их до выхода и сам выбрался на воздух перед сном. На биваке развалился Дурной и отчаянно храпел, раззявив пасть, как певчий в церкви. Черно-красные угли костра почти не давали света, так что непонятно было: цела ли у Сашко морда? Но вид у спящего здоровый.

«Может, он, наконец, не только получать, но и давать по

мордасам выучился?» – хмыкнул приказной. И пошел спать.

А утро встретило его надсадным воплем, обещающим, что новый день не станет легче прошлого:

– Кузнец, беда! Девка Яркова сбегла!

Глава 6

Год 162. Приказной человек

Онуфрий тут же выбрался наружу, в чем спал. Резкий свет утреннего солнца полоснул по глазам, приказной сощурился, пытаясь разобраться, что происходит. На биваке толпилось с полдесятка воев, только Дурной семенил с котлом к реке – за водой, видимо.

– Кто орал? – слова из пересохшей глотки вылезали с трудом.

– Я, приказной, – шагнул вперед старый казак. – С дощаника, где аманатов держали, одна девка утекла. Ночью.

– Какая? – тихо спросил Кузнец, уже понимая, про кого они речь ведут.

– Ну, ясно какая. Яркова. Чалганка.

– Черти полосатые, – выдохнул Онуфрий. – Продрыхли всю ночь!

– Господом богом клянусь! – вскинулся старик. – Сторожа всю ночь бдела, как положено!

Кузнец только отмахнулся. Конечно, спали. На берегу ведь шесть сотен русских воинов – огромный табор! Кого сторожиться?

«Вот же непруха, – бегали мыслишки в голове приказного. – Именно нынче! Слава Богу, не подал я еще Зиновьеву списки аманатов. Тадыть совсем беда была бы...».

– Веди к дощанику! – велел он казаку.

Нет, не случайно. Вовсе не случайно пропала полоненная даурская девка именно в эту ночь. Все знали, что Хабаров ее для себя держал. И порою, ночами к себе забирал. Все те крики слышали. И умыкнуть Чалганку раньше было невозможно – Ярko изo всех душу б вытряс... И завтра невозможно – всех аманатов Зиновьев заберет.

«Будто ведал кто», – всё более ясно понимал Кузнец.

А кто ведал? Ночные гости из дружков Ярофейкиных – так оно им надо? Ну, и ближники Зиновьева еще, но тем-то вообще на незнакомую полонянку плевать.

У дощаника, где держали аманатов, всё было пристойно. Остальные сидели крепко связанные, вещей поворовано не было.

– Как в воду утекла, – стенал старый сторож. – Глянь, атаман, на берегу никаких следов нету... Ну, окромя наших, сапожных.

– А ты, дурила, думаешь, что девка даурская не может в сапоги обуться?! – не удержался Кузнец.

– Да где ж вона сапоги найдет... – начал было казак, да не договорил, додумавшись до того, что стразу заподозрил Онуфрий.

«Украли Чалганку... В самую нужную ночь. И сапоги дали! Но кто ж знал?».

Взгляд Кузнеца метался по берегу в поисках догадки. Люди суетились и бродили взволнованными мурашами, шумно

переговаривались. И словно одно пятно покоя: сидит себе Сашко Дурной на урезе и песочком котел от копоти чистит. И ничто купченка не волнует...

«Постой-ка!» – замер Кузнец.

И вспомнил минувшую ночь. Как с хабаровскими близнецами прощался. Как храпел у погасшего костра толмач. Так громко и старательно, чтобы все поверили – спит Сашко давно и надежно. Спит! А не подслушивает под стенкой землянки слова тайные. Про то, что московский дворянин собрался всех аманатов на Москву свезти.

«От сука!».

А Дурной ровно в этот миг как бы невзначай покосился на приказного. Пытливо глянул, исподтишка. Да взгляды их взяли и пересеклись. И оба они всё поняли. Толмач отвернулся, встал и начал нарочно неспешно уходить от Кузнеца.

– А ну, стой, падла! – не очень громко прорычал Онуфрий.

Тут-то купченыш и припустил! Вдоль берега, в сторону Зеи, где сплошные протоки да кочка болотная.

– Держи Дурнова! – заорал уже во всю глотку приказной. – Ловите паскуду!

Народу на берегу была тьма. Сразу кто-то кинулся навстречу Сашке. Тот заметался туда-сюда, понял, что окружают, грянул шапкой оземь и бросился промеж дощаников прямо к Амуру. А плавал Дурной зело быстро – это Кузнец знал. Правда, с самого берега не поплывешь. Пока толмач до

глубины доберется, темные воды амурские будут ему ноги хватать да опутывать.

– Бегом! Хватай, пока не утек!

И ведь почти удалось. Дурной уже по пояс вошел, уже запырнул. Но тут какой-то продравший зенки мужик с дощаника, еще не понимая, что происходит, увидел, как все за одним гонятся – и прямо с борта плюхнулся на спину толмачу. Завязалась драка в воде, и Сашка даже одолевать начал. Но тут остальные набежали, скрутили беглеца и потащили к приказному.

– Где, Чалганка, паскуда? – тихо прошипел Кузнец.

Измордованный в короткой стычке Дурной вдруг неожиданно гордо поднял голову, улыбнулся и ответил, глупо шлепая распухшими губехами:

– Уже далеко, атаман... Не найдете.

– Сорок плетей ему! – рявкнул приказной. – И после каждого десятка спрашивайте, куда бабу дел.

Отвернулся, но, опомытуясь, быстро крикнул вдогон:

– Да подальше его уволочите! Не надобно нам, чтоб зиньевские то видели, да вопросы задавать начали.

Порку Дурнова утаить, конечно, не удалось. Узнавая про то, все охочие и служивые бросали дела и шли на место правёжа. Еще бы: такая веселуха всех ждет! И купченыш не подвел: уже после третьего удара принялся орать, аки баба, которую насильничают в места срамные. Повеселил казачество, нечего сказать! Правда, окромя веселья, толку от порки не

было.

– Ну, что сказал-то?

– Ничего, Онуфрий Степанович... Только ревел и отпустить молил.

– Повязать, гниду. Посадите в пороховую – уж оттуда-то никто не убежёт.

А потом Кузнецу не до этого стало. Зиновьеву передали аманатов да местных толмачей без Чалганки – и всё вроде обошлось. Даже к лучшему: уж эта полонянка такого бы наговорила на Хабарова! А так утекла – и, словно, не было ее. Сам же Зиновьев спешно собирался уходить с Амура. Оно и понятно: это здесь еще почти летнее тепло стоит. А на верхнем Амуре уже поди настоящие сибирские холода. А ведь пришлым еще по Урке подниматься, еще дощаники по Тугирскому волоку тащить. Так и до снегов можно застрять, прежде чем в Лену выберутся.

Зиновьев познакомил Кузнеца с есаулами, которых решил оставить на Амуре. И выяснилось, что командовать годовщиками Онуфрий может только через оных. Сам же отдавать новым людям приказы не в праве. И менять есаулов – тоже. Всё меньше и меньше нравилось приказному это пополнение. Будто не в помощь его оставили, а для слежения.

Но всё равно с новыми есаулами – Трофимкой да Симанкой – Кузнец вел себя по-доброму. Хабаровской дружине он нарочно не говорил, но для себя тогда поставил еще одну задачу: крепко подружиться с годовщиками. Потому ни на

хабаровцев, ни на поляковцев у него особой надежи не было. Васька Панфилов да Петриловский поди решили, что новый приказной им одним служить будет... Но Онуфрия то не устраивало. Надобно либо с есаулами задружиться, либо самих годовщиков подмять. В обвод.

Красно-расписные планы, однако ж, пришлось закинуть в кубышку дальнюю, ибо эти самые годовщики подкинули новых бед. Вернее, не они сами... В общем, уже перед отплытием московского барина стало ясно, что за оставляемых на Амуре людей, Зиновьев не выдал ни одного мешка хлеба. Совсем ничего! Кузнец, когда то прознал, кинулся к стрелцовым дощаникам, которые уже всю снаряжались.

– Господине! Дмитрий Иванович, помилосердствуй! – стоял он по колено в воде, выкликая московского посланника. – Что же ты творишь?!

Стрельцы нахмурились и начали доставать пищали да самопалы. Зиновьев, правда, тоже отсиживаться не стал, вылез к борту.

– А за енто ты, Онушка, Хабарова свово благодари! – хищно усмехнулся он. – Ярофейка-то складно отписывал государю-батюшке про пашни заведенные, про острог Албазинский обжитой. Вот на Москве и решили, что у вас, чай, своего хлеба в избытке... Ну? Скажешь спасибо атаману бывшему?

– Да я кому хошь, хоть черту лысому, спасибо скажу! – ярился уже Кузнец. – Ты мне только объясни, чем мне лю-

дишек кормить? И твоих людишек тоже!

— Мои со мной уходят, — мрачно ответил москвин. — А ты ищи. Вы ж вон с голоду допрежь не померли. Хотя, не пахали, не сеяли... аки птицы библейские. Значит, есть на Амур-реке хлебушек. Вот и ищи.

Если бы сейчас в руках у Онуфрия имелся пистоль, он бы пальнул в эту морду сходу. А так... только и оставалось качать грудь мехами кузнечными и смотреть на царскую рать, которая подчистую разорила амурское воинство, забрала вожака, на котором всё держалось, и оставила на берегу этих вод черных, посреди враждебных инородцев.

— Смотри, Онушка, наказы мои сполнить не забудь! — подлил маслица в огонь дворянин. А потом отвернулся, будто и забыв о существовании приказного, и рыкнул. — Вёсла на воду!

Глава 7

Год 162. Приказной человек

– Ну, хоть порох да свинец дал...

В землянке Хабарова было тесно. Все набольшие люди старого войска да есаулы годовщиков – все собрались на круг. Кузнец, прямо и не таясь, пояснил, с чем остался амурский отряд. Выросший почти до пятисот человек, кстати. Правда, сейчас такая силища грозила бедою: имевшиеся у казаков запасы еды на все пятьсот ртов уйдут за пару седмиц. И даже щедрые амурские леса да рыбный Амур такую ораву не прокормят.

– Думаю, ни о каком остроге нам и мыслить не надо, – подытожил приказной, когда маты и ругань в сторону уплывшего Зиновьева стихли (даже новые есаулы присоединились к общему хору). – Васька, все ли дощаники у нас вычинены?

– Все, Онуфрий, – степенно кивнул Панфилов. – Хоть, завтра в путь.

– А сколь мы там сможем новых людишек разместить?

Есаул прикинул и загрустил.

– Ну, ежели по тридцать и более пихать... Нет, всё равно человек за сто не влезут! Беда, приказной.

– Тогда, вместо острога рубим плоты, господа-казачество. Соберем лесу сырого, наделаем плотов просторных. Нам бы только до низовий дотянуть. Ну, и глядите: за десять дён не

управимся – будем как Васька Поярков.

– Это как? – не понял намека Трофимка сын Никитин, что из новых есаулов.

– Мертвечину жрать! – хохотнул здоровяк Тит.

Годов 20 назад именно Василий Поярков с казаками первым пришел в амурские земли. Сразу, по привычке, стал гнуть местных об колено. Да силенок у него для того мало было. Зимой, на Зее еще, тунгусы и дауры заперли их всех в зимовье и держали осадой. Казаки так оголодали, что принялись трупы глотать. С тех пор на Амуре местные народцы всех лоча (так здесь русских прозвали) считают людоедами.

То ли эта угроза, то ли святые угодники вспомогли, но плоты смастерили менее чем за седмицу. Хорошо хоть, к западу от лагеря стояла гряда холмов, на которых кое-где рос приличный лес. Пока одни валили сосны, другие с утра до ночи ловили белорыбицу речную, охотились, обтряхивали орешники, искали дупла с пчелами и прочая. Хоть, какая, а еда.

Еще стругали последние вёсла, как Кузнец начал собирать войско и распределять по дощаникам. Решил он сделать так, чтобы старые амурцы впереमेжку с новыми сидели. Тут-то и вскрылось.

– Двенадцать служилых пропало, приказной, – растерянно подытожил есаул Панфилов. – И... и Дурной еще.

Онуфрий сын Степанов уже так привык к дурным вестям, что лишь рукой махнул. Сашку-толмача тоже выпускали из

пороховной, чтобы он, гад, не отсиживался, а со всеми работал. Ну и вот... Васька Панфилов называл имена беглецов... и всё страннее становилось. Сначала вроде шли в списке одни поляковцы, но потом и хабаровские пошли. А Козьма сын Терентьев так вообще на Дурнова вечно зуб точил.

– Проверьте, что пропало, – устало велел он.

Проверили скоро.

– Иудины выкормыши с собой утащили топоров с десятков. Ну, которыми лес валили, – бодро начал перечислять Артюха Петриловский. – Мешок муки – чуть ли не последний. Два кисета соли, пороху фунта три, свинца отож. Но самое главное – воры в казну влезли и шестнадцать соболей умыкнули да две шапки!

Кузнец посмотрел прямо в ясны очи казначею. Артюшка взгляда не отвел, хотя, любой дурак понимал: на кой в диком лесу им эти соболя сдались! На зиму беглецам больше волчьих шкуры впору пойдут. Или медвежьи.

– Это всё?

– Всё, – кивнул Петриловский. – Ну, не считая своего, что у них было.

– Своего? – вскинулся Кузнец. – Они – служилые казаки! И в поход их за счет казны снаряжали. Так что своего у них: порты да крестик нательный!

Выкрикнул и затих.

«Вот и стал ты, Онушка, Хабаровым» – сообщил себе приказной человек.

Промысловые люди, что с лесом накоротке, легко нашли следы воров, которые уводили куда-то на север. Вдогон идти? Ну, и сколько дён это продлится? Войско-то на пороге голода: рыбу уже вместо хлеба жрут. То разве еда?

— Ну, и нехай в своих болотах сгниют! — сплюнул в сердцах Онуфрий и велел снаряжать дощаники.

Первым делом, решили навестить ближайшего соседа — Кокурея. Этот даурский князец жил немного ниже по Амуре-реке, на ее правом берегу. Единственно, в чем отличался этот хитрый старикашка — он был первым, кто не стал противостоять хабаровскому войску, которое в 159 годе с огнем и мечом прошло по всей даурской и дючерской землям. Так что, если выше по Амуру все крепости были основательно порушены и пришли в запустение, то городок Кокурея и дальше жил.

Был он совсем небольшим (не сравнить с крепостью князья Толги, что ниже по течению), но стоял вдали от реки. Так что внезапно подступиться к нему было непросто. Казаки сошли на низинный берег и крепким отрядом двинулись к даурам. Вокруг них на ветру колыхались озера полей злаковых или пастбищных лугов.

— Ты глянь-ко! — изумленно воскликнул кто-то из служивых. — Они ржу косят!

Вдали, действительно, мельтешили пешие фигурки дауров. При виде русских они начали разбегаться, но в руках у них и впрямь имелись косы да серпы.

– Чево это они? – стали дивиться русские.

Жать злаки было рановато. Особенно, рожь. Ей бы еще пару седмиц постоять, чтобы колос забурел да силой налился.

Хлипкие ворота крепостицы оказались заперты. Но Кузнец был готов к такому повороту, потому велел захватить малую железную пушечку. Она, конечно, стену не проломит, но разве эти дикари что понимают. Онуфрий с любовной неспешностью установил малое орудие, отмерил порох, заколотил ядро и поднес фитиль. Пушчонка грохнула, заполонив понизье дымом, который быстро сдул ветерок с реки.

– Открывай, Кокурейка! Государевы люди к тебе явились! Не перечь воле Белого Царя – худо будет!

В городке поднялся галдеж, бабьи крики, полные страха. Казаки тихо посмеивались. Наконец, створки распахнулись, и к «государевым людям» вышел сам Кокурей в затасканном халате со следами былой роскоши.

– Ясак плачен! Плачен! – замахал он руками.

– Ну, кто ж так гостей встречает? – нахмурился Васька Панфилов.

И казаки толпой повалили в городок, тесня князька с его суматошными попытками остановить «гостей». Дауры, при виде русских, разбегались по низеньким избам. Казаки деловито заглядывали за тыны, во тьму крошечных дверных проемов. Кто-то деловито хватал под мышку курицу или какую-нибудь мелкую утварь.

– Слышь, Кокурейка! – с широкой улыбкой повернулся к князю Онуфрий. – Так уж и быть, не буду я брать с тебя яса. Ты его к весне готовь. Но видели мы, что твои дураки ржу косят неспелую. Почто так?

– Земля дурна, – набычившись, подбирая даур неудобные русские слова. – Рожь плохой. Всё плохой. Не хочу урожай.

Звучало дико, но Кузнец не хотел разбираться.

– Богато живете, – хмыкнул он. – Так ты, можа, мне свой хлеб отдашь? Коли тебе он ни к чему?

Кокурей на миг задохнулся, когда слова русского «князя» дошли до него.

– Ой-ай! – заголосил он. – Берись! Натка, всё берись! Берись и уходи!

Старенький даур ткнул пальцем в крепкий берестяной балаган. И прикрыл почти безбородое лицо ладонями, покрытыми сетью вспухших жил.

– Айда, мужики! – махнул своим людям приказной.

Дощатые двери выбили, и казаки с жадностью кинулись к внушительным ямам. Конечно, ячменя, ржи, гречихи, гороха в амбаре совсем немного осталось – накануне нового урожая так всегда. Но ежели с умеренностью подойти, то запасов зерна войску хватит на три седмицы. А то и месяц.

– Ай, спасибо, Кокуреюшка! – потеплел голосом Кузнец. – Хороший ты даур! Не то, что иные. Непременно скажу об том Белому Царю! Чтоб, значит, и на Москве знали, какой есть на Амур-реке лучший из князей.

Кокурей натянуто улыбался, не понимая и половины из сказанного. Он ждал только одного: когда страшные лоча выйдут, наконец, за крепостные валы.

– Хорошо у тебя, князь, да нам в путь-дорогу пора, – увидал Онуфрий думы даурца. – На прощание дай нам провожатого. Кого младшего из семьи своей.

Кокурей, усыпленный интонациями русского предводителя, поначалу не сообразил. Но, когда смысл сказанного дошел до него, вдруг резко скинулся, снова замахал руками и закричал:

– Нет! Мой дасть аманат! Курген дасть! Нет! Все гость уходить! И ты уходи, лоча!

– А я вот в доме твоём гомон да топот слышу, старик, – нахмурился Кузнец. – Надо проверить!

– Нет! – и Кокурей заверещал что-то на своем дикарском языке. Без толмачей и перевести было некому. Но казаки и так поняли, что ничего хорошего князек-поганец не сказал: дауры вокруг вдруг забегали, принялись хвататься за дрекольё, а у кого-то в руках и оружие появилось. Блеснула сталь.

Глава 8

Год 162. Приказной человек

– К бою! – зычно крикнул Васька-есаул. Конечно, русское войско городок этот раскатает по бревну, но большая часть осталась у кораблей. Внутрь вошли чуть больше сотни, разве кокурееву роду больше потребно?

Оказалось, надо. Словно, в ловушку сами лапу сунули. И даже самопалы не снарядить, не говоря уж о пушчонке.

– Ничо, – с улыбкой протянул Васька Панфилов. – В сабли возьмем нехристей!

«Ох, не надобно драки» – покачал головой Онуфрий. Резко шагнул к Кокурею, схватил его за отворот халата и дернул на себя. Да так, что с евонной головы шапка слетела, разметав пегие волосья. Нож из-за поясницы сам впорхнул в ладонь, и черно-серое железо впилося в куриную шею старика.

– Вели своим палки-то положить, – процедил он даурскому князю. – Не доводи до греха, дед.

Кокурей скорчился, задергался нервно, дрожа от холода железного на шее своей. Взгляд его, полный ненависти, бурил приказного человека, но Кузнец с холодом в глазах ждал. Ждал с каменной твердостью в руке.

– Ган Дархан, – прошипел он, пряча страх за злобой, и отдал короткий приказ. Дауры нехотя сложили оружие.

– Пойдем к тебе домой, – усмехнулся Кузнец.

...Дощаники выходили на стремнину темных амурских вод. На головном корабле сидел перепуганный даурский мальчонка: то ли внук, то ли племянник Кокурея. Первый новый аманат, что обеспечит верность и покорность этого даурского рода. Как его провожали! Как оплакивали! Словно, на смерть провожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.